

8. *Омарова П. М.* Когнитивная структура базовых эмоциональных концептов гнева, страха и радости в английском и даргинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010.

9. *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов. М., 1999.

10. *Вотякова И. А.* Указ. соч. С. 7.

11. *Голев Н. Д.* Оказиональная символизация внутренней формы лексических единиц в тексте. Ч. 1 // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. С. 69.

12. *Смолянок Ю. В.* Концептуальная метафора как одно из средств представления эмоции гнева в художественном тексте // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. Вып. 3 (11). 2010. С. 175–180.

13. *Павлович Н. В.* Указ. соч.

14. *Иванова Н. Н.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.). М., 2004.

15. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* М., 1995. С. 46.

ANGER in Russian poetry: metaphorical models

The article considers the realization of the metaphorical models, reflecting the concept «Anger». The article is based on a wide corpus of Russian poetry of XVIII–XXI centuries revealing comparisons of figurative names of anger. This emotion appears as fire, light, darkness, nature, water, creature, substance, etc. The foundation of traditional comparison is different characteristics of anger: intensity, destructive power, the process (anger wakes up, breaks out, inflames, boils, dies). The article also specifies the varieties of anger: God, people, human. Gods anger has considerably destructive force (models anger — fire, anger — water); it is located at the top of the space of the world. Poetry of XX–XXI centuries is being interpreted and developed in traditional models influenced by the trends of the new poetry. The images of anger become more detailed and specified.

Keywords: anger, emotion, metaphorical model, poetic text.

© **М. Л. Кусова**

УрГПУ, г. Екатеринбург

«Умный» — «Дурак»:

в языке и языковом сознании школьников¹

Автор описывает содержание концептов «Умный», «Дурак», определенное на основе данных Словаря-тезауруса синонимов русской речи и отраженное в проспекте словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации». Представлены лексические, фразеологические средства репрезентации

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты».

данных концептов, паремии, связанные с указанными концептами. Приведены ядерные признаки концептов, их культурологические и модально-оценочные признаки. Содержание концептов «Умный», «Дурак» сопоставляется с содержанием, выявленным на основе анализа материалов Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников I–XI классов, анализ реакций, полученных на стимулы *умный, умнее, ум, дурак, дурацкий*. Автор комментирует выбор стимулов, аргументируя возможность включения реакций на данные стимулы в описание представлений школьников об «умном» и «дураке», анализируя реакции школьников, выявляет признаки «умного» и «дурака», актуальные для языкового сознания школьников; и приходит к выводу, что ядерные признаки данных концептов в языковом сознании школьников связаны с человеком, достаточно конкретизированным с учетом профессии и, шире, социального статуса, родственных отношений, межличностного взаимодействия, с животными. В ядерную составляющую школьников включают также признаки, присущие «умному» и «дураку», они последовательно определяют пространство, где эти признаки могут проявиться. Автор показывает, что представления школьников разного возраста об «умном» и «дураке» практически не отличаются, что в качестве средств репрезентации данных концептов школьники используют преимущественно лексические единицы, они ограниченно владеют фразеологией и практически не обращаются к паремиям.

Ключевые слова: сфера «Интеллект», концепт «Умный», концепт «Дурак», ассоциативный словарь, стимул, реакция, языковое сознание школьников.

Антропоцентрический подход к исследованию языка позволяет видеть в языковой системе человека, говорить об особенностях его представления в том или ином языке. В этом плане, безусловно, интересны единицы сферы «Интеллект», т. к. благодаря этим единицам в системе языка отражается процесс осмысления человеком его собственной мыслительной деятельности. Сфера «Интеллект» традиционно является объектом внимания ученых: в лингвистике традиция представления ментальности, ментального поля связана с работами В. Г. Гака [1], И. М. Кобозевой [2], С. Р. Омельченко [3], Е. В. Падучевой [4] и др. И. М. Кобозевой описаны категории ментальных имен: описана номинализация ментальных предикатов, содержание ментальных состояний, результаты ментальных состояний и т. д., Е. В. Падучевой выявлены аспектуальные свойства ментальных глаголов, В. Г. Гак представляет ментальное поле, выделяя в этом поле центр, единицы, связанные с номинацией человека и его интеллектуальных качеств, и ряд секторов, связанных с номинацией способности к мыслительной деятельности и уровня этой способности. С. Р. Омельченко установлены системообразующие признаки глагольной лексики в речемыслительном процессе, описана этноязыковая ментальность казаков, сделаны выводы о

преобладающих системоцентрических и антропоцентрических принципах анализа семантики ментальных глаголов в литературном языке и диалектной речи; выявляется ментальное пространство личности [5].

Заметим, что внимание ученых, изучающих представление интеллекта в языке, обращено прежде всего к процессуальной составляющей интеллекта — в первую очередь изучаются ментальные глаголы, что находит отражение и в исследованиях детской речи. Т. А. Щеглова описывает формирование семантики ментальных глаголов в языковом сознании ребенка, делает вывод о поэтапном освоении детьми семантики ментальных глаголов, о связи когнитивного развития ребенка и дифференциации значений ментальных глаголов в его речи [6].

Основываясь на значимости ментальности в представлении человека, считаем целесообразным остановиться на характеристике личности в сфере «Интеллект» (при описании представления личности в сфере «Интеллект» используются материалы Словаря-тезауруса синонимов русской речи [7]). Обобщение лексикографических материалов, представленных в словаре-тезаурусе, позволяет заключить, что для данной сферы значимы интеллектуальные свойства человека и его интеллектуальная деятельность. В сфере «Интеллект» человек характеризуется по уровню интеллектуальных способностей (*узколобый, слабоголовый, непонятливый, глупый, тупой; умный, прозорливый, пронциательный, смышленный, толковый*); по уровню осведомленности (*несведущий, неосведомленный*), наличию/отсутствию способности объективно оценивать окружающее (*прозорливость, пронциательность, смышленость — тупость, тупоумие, скудоумие, дубинноголовость* и т. д.), по наличию у него способности к интеллектуальной деятельности (*пытливый, любознательный, любопытный*). Определение интеллектуальных свойств личности связано с оценкой; единицы, называющие эти свойства, могут быть распределены на группы с использованием традиционной нормативной шкалы. Нормативная шкала может быть представлена позициями «хорошо — безразлично — плохо» оппозицией абсолютной оценки «хороший — плохой». Абсолютная оценка «хороший — плохой» находит отражение в оппозиции «умный — дурак».

В этом плане интересен анализ концептов «Умный», «Дурак», выполненный на основе материалов указанного словаря и проспекта словаря «Концептосфера русского языка...» [8]. Анализ репрезентаций концептов «Умный», «Дурак», описание данных концептов в проспекте словаря концептов позволяют обобщить: умный человек обладает интеллектуальными способностями, он широко осведомлен, его решения взвешенны, свои мысли он может хорошо излагать; у него голова светлая, светлый ум; с умным разговаривается, что меду напиток; он сметливый, головастый, остроумный. Очевидно, что перечисленные признаки у дурака отсутствуют: у него нет природных задатков, интеллектуальных способностей, он производит отталкивающее впечатление, быть рядом с дураком опасно: идиот, тупорылый, лопоухий; голова мякинная, голова садовая; из-за угла мешком прибит; пьяный проспится — дурак никогда (подробнее о специфике представления данных концептов см. [9]). Средствами репрезентации данных концептов являются лексические единицы (*дар, гений, дарование, талант — дурак, глупец, даун, балбес, дебил* и т. д.), фразеологизмы (*котелок варит; семи пядей во лбу; глуп как пробка; без ума голова котел* и т. д.). Материалы словарей позволяют говорить о содержании концептов в языковом сознании носителей русского языка. Но у разных групп носителей языка в содержании концептов есть определенные отличия, и для выявления этих отличий обратимся к материалам словаря «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» [10] с целью выявления особенностей в представлении концептов «Умный», «Дурак» в языковом сознании школьников.

Для определения содержания концепта «Умный» мы анализировали реакции, полученные на стимулы *умный, умнее, ум*; для определения содержания концепта «Дурак» — реакции, полученные на стимулы *дурак, дурацкий*. Таким образом, мы учитывали реакции не только на стимулы *умный, дурак*, но и реакции на единицы, соотношенные с лексемами-стимулами. При отборе стимулов мы учитывали, что стимул *умнее* представляет собой форму сравнительной степени омонимичного прилагательного *умный*, субстантивацию которого наблюдаем в имени концепта; стимул *ум* связан с представлением доминантной единицы синонимического ряда в словарной статье, включающей и близкородственный синонимический ряд с доминантой *умный*. Стимулы *дурак* и *дурацкий* связаны словообразова-

тельными отношениями. Общее количество реакций на стимул *умный* — 356, на стимул *умнее* — 642, *ум* — 622. Общее количество реакций на стимул *дурак* — 1138, *дурацкий* — 478. Таким образом, в дальнейшем нами учитываются 1620 реакций при описании содержания концепта «Умный» в языковом сознании школьников, 1616 реакций — при описании концепта «Дурак». Общая сумма количества реакций, которые будут учитываться при описании концептов, практически одинакова, хотя в реакциях на отдельные стимулы есть ярко выраженные количественные отличия. Наиболее яркое отличие проявляется в преобладании количества реакций на стимул *дурак* по сравнению с количеством реакций на стимул *умный*, что объясняется известной в лингвистике закономерностью, проявляющейся в более слабом выходе нормы в лексику [11].

Остановимся на анализе реакций школьников на стимул *умный*. Школьники отождествляют умного с людьми определенной профессии, определенного вида занятости (*мальчик, писатель, ученик, человек, художник* — здесь и далее при приведении реакций не учитывается их количество, поэтому лексемы-реакции приводятся в алфавитном порядке). В качестве умного представляется и конкретное лицо: среди реакций наблюдаются имена собственные (*Кирилл, Лена, Поньшева, Поньшева*), личные местоимения (*ты, я*). В сознании школьников признак умный последовательно присваивается и представителям животного мира (*кот, пес* — прежде всего, а также *животный, зверек, попугай*). Для школьников актуальны признаки, отличающие умного (*находчивый, понятливый, развитый, разумный, смысленый*). Последовательно воспроизводится парадигматическая связь умный — тупой, причем воспроизводится чаще именно эта оппозиция, а оппозиция умный — дурак, судя по количеству реакций, является менее актуальной. Отметим, что реакции на стимул *умный* представлены только лексемами, единичная реакция, связанная с фразеологизмами, наблюдается у младших школьников: приведено фразеологическое сочетание *отличаться умом*.

Выделив общие позиции в реакциях школьников на стимул *умный*, остановимся на отличиях, которые наблюдаются в разных возрастных группах. Чем старше школьники, тем более наполнены синонимические ряды, как соотносимые с реакцией *умный* (*ботан, ботаник, гений, голова, вундеркинд, мозг, мозголом*), так и с оппозицией умный — дурак (*глупый, дебил, дурак, осел, тупой*). У уча-

щихся 9–11 классов наряду с реакциями, указывающими на человека, связанного с различного рода занятиями, появляется реакция — указание на человека, воспринимающегося как некий символ данного качества (*Эйнштейн*). Но при этом у старших школьников, 7–8 класс, 9–11 класс, в реакциях нет указания на близких людей, тогда как у младших школьников и учащихся 5–6 классов есть реакция *папа, отец* (заметим, что реакция *мама* не зафиксирована). Реакция учащихся 5–6 классов и 9–11 связана с определенной предметной областью (*в математике, в алгебре*), 5–6, 9–11 классов — с определенным пространством (*передача*). Реакции, связанные с книгой, наблюдаются у младших школьников и у учащихся 7–8 классов (*книга, сказка*), причем это единичные реакции.

Реакции на стимул *умнее* во многом пересекаются с реакциями на стимул *умный*. Прежде чем перейти к анализу реакций, напомним, что на стимул *умнее* составители словаря получили больше реакций, чем на стимул *умный*. Как следствие, здесь наблюдается и большее разнообразие реакций. Прежде всего, как и в реакциях на стимул *умный*, выделяются реакции, указывающие на человека, связанного с определенной деятельностью (*математик, профессор, ученик, учитель* — последняя реакция наблюдается у школьников всех возрастных групп), просто занимающего определенной деятельностью (*специалист*), на животное (*животных, зверя, обезьяны, попугай, собаки*). Конкретизация появляется в указании на имя собственное (*Афанасьева, Верзиной Алены*), на лицо с учетом родственных отношений (*брат, мама, родители*; реакция *папа* не зафиксирована), в использовании личных местоимений (*вас, его, меня, тебя*). Стимул *умнее* последовательно соотносится с учебной деятельностью школьника (*в учебе, грамотность, отличник, отличница, пятерка*), жизненной перспективой (*институт*). Данный стимул вызвал в сознании школьников определенные образы (*ребенок в очках, очки*), в том числе и фольклорные (*лисы, совы*). Форма стимула обусловила появление фазисных глаголов (*быть, становиться*), глаголов, обозначающих интеллектуальную деятельность (*думать, знать, решать*), деятельность в процессе обучения (*учиться*); многие реакции-существительные приведены в форме родительного падежа как завершение конструкции *умнее кого*. В реакциях представлены единицы в форме сравнительной и превосходной степени (*лучше, мозговитее, умнее всех, хитрее*),

конструкции со сравнительным союзом (*чем он*), есть реакция — название данной формы (*сравнение*).

На основе лексем-реакций на стимул *умнее*, могут быть также выстроены синонимические ряды, но при этом воспроизводится парадигматика к *умный* — *дурак*. В качестве синонимов к *умный* выделяются *ботаник, вундеркинд, гений, голова, мозг, ум, умник*, к *дурак* — *валенок, глупее, дебила, тупее (тупой)*.

Переходим к анализу реакций на стимул *ум*. В ассоциативном словаре представлено много реакций, связанных с вместилищем ума (*в голове, мозги, в мозгах, орган*), с интеллектуальной деятельностью (*думаю, знать, который мыслит*) и признаками, обусловленными наличием ума (*качество, любознательность, остроумие, развитие, смысленый*). Реакции, связанные с названием человека, не столь разнообразны, как реакции на стимул *умный* и *умнее* (*подруга, ученый, человек*), но расширяется круг лиц, символизирующих ум (*бабушка, бармен*), налицо прецедентные феномены («*Горе от ума*»), политический лозунг советской эпохи (*совесть, честь и совесть*, ср.: *Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!*), частично воспроизведенный фразеологизм (*светлый*, ср. *светлый ум*).

Таким образом, в языковом сознании школьников *умный* — это человек, в том числе определенный человек, признаки которого определены данным качеством. *Умный* связан с определенной деятельностью. Для обозначения умного используются известные символы. Анализ парадигм лексем-реакций показывает, что их написание во многом пересекается.

Обращаясь к реакциям на стимул *дурак*, обнаруживаем, что у школьников *дурак* ассоциируется с человеком (*все девочки, друг, девочка, мальчик, человек*), с конкретным человеком, причем перечень конкретных людей представлен большим количеством реакций, чем аналогичный перечень, связанный с реакцией на стимулы *умный, умнее* (*Вадик, Вася, Вова, Зоя, Красовитов*). Воспроизводится и типичный для русской культуры символ дурака (*Иван, Иванушка, Иван-дурак*). Но *дурак* не ассоциируется с самим участником эксперимента — это только второе или третье лицо (*он, ты*). Не определяется однозначно связь *дурака* и животных. Среди реакций есть лексемы, основное значение которых связано с обозначением того или иного животного, но у данных лексем есть и переносное значение — обозначение человека, и в этом значении лек-

семи используются как ругательство (*баран, козел, осел, собака*). То, что подобные реакции указывают на человека, подтверждается словосочетанием *осел Вася*.

Лексемы-реакции, обозначающие признаки, присущие дураку, представляют единицы различных семантических сфер: сфера «Оценка» (*плохой*), сфера «Интеллект» (*безмозглый, бестолковый, неумный, полумный*), сфера «Поведение человека в обществе и морально-нравственная оценка поведения» (*невежливый*), «Эмоциональные состояния и переживания...» (*злой, несчастный*), сфера «Медицина» (*больной, нездоровый, убогий человек, синдром Дауна, умалишенный*). Восприятие дурака как больного подтверждается и другими реакциями (*дебил, идиот, псих; диагноз, заболеваемость, психушка*).

Реакции на слово *дурак* отражают богатство парадигматических связей лексемы-стимула (*дурак — балбес, баран, бестолочь, болван, глупец, даун, дебил, дурень, дурило, идиот, козел, лох, недоумок, незнайка, неумеха, обалдуй, осел, придурок, тормоз, тугодум, тупица*), косвенно подтверждают связь стимула *дурак* с ранее обозначенными сферами, подчеркивают негативную модальность и негативную оценку, связанную со стимулом *дурак*. При описании парадигматических связей лексемы-стимула очевидно, что большее количество лексем включает синонимический ряд с доминантой *дурак*, антонимический ряд представлен меньшим количеством единиц (*молодец, умник, умный*), что позволяет еще раз сказать: обозначается прежде всего «ненорма». Среди реакций на стимул *дурак* наблюдаем прецедентный феномен (*Достоевский «Идиот»*), фразеологизмы (*он и в Африке дурак; на всю голову, больной на всю голову; круглый*). Реакции позволяют также сказать, что для языкового сознания важны причины появления дурака, и эти причины связаны не только с болезнью (*неграмотный, необразованный*).

Анализируя ассоциации на стимул *дурацкий*, учитываем, что лексема *дурацкий* имеет два значения: '1. К дурак (чудаковатый, нелепый); 2. Глупый, смешной, нелепый'. Нас интересуют реакции, связанные со вторым значением лексемы-стимула. Это указание на человека (*мальчик, одноклассник, ребенок, сосед, человек*), иногда конкретного (*Максим, Саша, Ценов*; заметим, что стимул принадлежит к классу имен прилагательных, а большинство реакций представлено субстантивами), на негативную оценку данного при-

знака (*дебильный, идиотский, кошмарный, мерзкий, нехороший, плохой, стремный*).

Следовательно, концепт «Дурак» более актуален для школьника, что появляется в разнообразии реакций на соответствующий стимул и дополняется реакциями на стимул *дурацкий*. При этом разнообразие реакций сводится к негативной оценке всего, что связано с дураком, и негативной модальности.

Таким образом, проведенный анализ, с одной стороны, показал, что представления школьников разных возрастных групп об умном и дураке практически совпадают. Отличия связаны с прецедентными феноменами и реакциями, символизирующими ум: они появляются у школьников 7–8, 9–11 классов, с конкретизацией умного и дурака. С другой стороны, содержание концептов «Умный», «Дурак» в языковом сознании школьников беднее, чем у носителей языка в целом. Полагаем, что это связано с недостаточным овладением школьниками фразеологической системой языка и его паремологическим фондом.

Примечания

1. Гак В. Г. Пространство мысли: опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 22–29.

2. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 95–105.

3. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.

4. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120.

5. Фролов Н. К., Хвесько Т. В. О ментальном пространстве славяно-русской личности // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С. 334–336.

6. Щеглова Т. А. Некоторые наблюдения за употреблением ментальных глаголов детьми 4–9 лет (на материале русского и английского языков) // Онтолингвистика — наука XXI века: материалы междунар. конф., посвящ. 30-летию каф. детской речи РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2011. С. 221–226.

7. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

8. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремеологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

9. Кусова М. Л. «Умный — дурак»: специфика репрезентации интеллекта в пространстве русского языка // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. 2012. Вып. 1(39). С. 190–195.

10. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, О. А. Мартыанов. Саратов, 2011.

11. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

“Smart” — “Fool”:

in the languages and linguistic consciousness of schoolchildren

The author describes the contents of concepts «Smart» and «Fool» defined through the thesaurus of Synonyms of the Russian language and vocabulary reflected in «Conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representation». The concepts are represented by lexical and phraseological means, and proverbs associated with these concepts. The nuclear signs of the concepts contain their cultural and modal-estimated signs. The content of the concepts «smart» and «fool» is compared with the content identified during the analysis of the Russian associative dictionary: associative reaction of schoolchildren of 1st–11th form; responses received to stimulus words smart, smarter, intelligence, fool, stupid. The author comments on the choice of incentives arguing the possibility of including reactions into these stimulus in the description of the representations of pupils about «smart» and «fool» and analyzing the reaction of schoolchildren, reveals the signs of «smart» and «fool» relevant to the linguistic consciousness. In conclusion it is stated that nuclear signs of concepts in language consciousness of schoolchildren are associated with the individual specific enough in a view of the profession and, more broadly, social status, family relations, interpersonal interaction, and interaction with the animals. As a nuclear component the schoolchildren also included characteristics of «smart» and «fool», they consistently define the space in which these characteristics may occur. The author shows that the presentation of pupils of different ages about «smart» and «fool» do not differ as a means of representation of the concepts schoolchildren use mainly lexical items, they possess limited phraseology and hardly refer to the proverbs.

Keywords: sphere “Intellect”, concept “Smart”, concept “Fool”, associative dictionary, stimulus, response, language consciousness school.

© М. Ю. Мухин

УрФУ, г. Екатеринбург

Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор*

В статье представлены результаты сравнительного статистического анализа словарей, содержащих информацию о русской антонимии. В сопоставлении участвует

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты», а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).